

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ЯКУБОВИЧА

Статья М. К. Азадовского

Литературное наследие декабристов до сих пор еще не собрано и не выяснено в полном объеме. Многие произведения погибли и утрачены, другие все еще затеряны среди архивных документов, третьи таятся в старых журналах или газетах под неразгаданными и нераскрытыми псевдонимами. Остается не выясненным и не установленным до конца и самый круг имен декабристов-литераторов. Совершенно выпало из этого круга имя Александра Ивановича Якубовича.

А. И. Якубович вообще обойден исторической наукой: нет не только какого-либо посвященного ему монографического очерка, но нет и общепринятой точки зрения на его роль в декабристском движении и на его личность в целом. Образ Якубовича представляется неясным и противоречивым. Нет единодушия по отношению к нему и среди самих декабристов: одни считали его искренним и пылким революционером, другие — хвастуном и бретером. В восстании он сыграл, бесспорно, роковую роль как человек, не выполнивший возложенных на него весьма важных и ответственных поручений.

Поведение же его в самый день 14 декабря поражает своей непоследовательностью и противоречивостью: то он, ссылаясь на сильную головную боль от раны, отказывается выйти на площадь, то принимает на себя командование над восставшим полком, то исчезает с площади, то вновь появляется — на этот раз уже в роли не то парламентаря, не то разведчика во вражеском лагере¹. Противоречиво и непоследовательно было и его поведение в сибирской ссылке, что часто раздражало его товарищей по изгнанию². В исторических сочинениях Якубович трактуется чаще всего как «типичный бретер» и как случайная фигура в революционном движении.

Однако есть целый ряд фактов, заставляющих отказаться от слишком упрощенных воззрений на личность Якубовича и его деятельность³. К этому обязывает прежде всего его «Записка», поданная из крепости Николаю I. В ней Якубович выступает как подлинный гражданин-патриот, как политический мыслитель, много и глубоко размышлявший о судьбах родины. В своей «Записке» он писал об общем состоянии управления, о финансовой политике правительства, о системе законодательной работы, о позорном состоянии судопроизводства, о положении основных сословий. Особенно замечательны разделы о положении крестьян и солдат⁴. Эта «Записка» заставляет вспомнить характеристику, которую дал Якубовичу Денис Давыдов, называя его «богатырем-философом»⁵.

В 1825 г. в «Московском телеграфе» было напечатано послание «К Я—у», то есть «К Якубовичу»:

Кавказских рыцарей краса,
 Пустыни просвещенный житель!
 Ты не одним врагам гроза,—
 Судьбы самой ты победитель.

Как богатырскою пятой
 Вражду черкеса попираешь,
 Так неприступною душой
 Тоску изгнанья презираешь.

Герой-мудрец! Ты искупил
 Двойной ценой венец героя:
 В бедах покой свой сохранил,
 И щит был общего покоя.

Кисловодск.
 10 августа 1823 г.

С. Н.

«С. Н.» — это, конечно, Степан Нечаев, член Союза Благоденствия; после 14 декабря он резко повернул вираво и сделал блестящую бюрократическую карьеру, но в это время он еще вращался в кругу республиканской молодежи, вполне разделяя ее убеждения.

К этим свидетельствам нужно добавить поздние строки Н. Н. Муравьева-Карского. На склоне лет, вспоминая минувшие годы и бывших друзей и знакомых, он писал: «Отличные качества его <Якубовича> достойны всякого уважения»⁷. Следует подчеркнуть, что эти строки написаны человеком, взыскательным в своих отношениях с людьми, и написаны тогда, когда уже были известны сложные перипетии биографии Якубовича.

Правильному пониманию облика Якубовича препятствует и крайняя скудость биографических материалов. Его мемуары погибли, его эпистолярное наследие сохранилось в незначительном объеме и даже то, что опубликовано, не всегда попадало в круг зрения исследователей⁸.

Совершенно не освещен и не исследован вопрос об участии Якубовича в литературной жизни своего времени, хотя данные для постановки такого вопроса имеются. В ноябре 1825 г. в «Северной пчеле» (№ 138) появилась небольшая статья, озаглавленная: «Отрывки о Кавказе. (Из походных Записок.) (Письмо к издателю „Сев<ерной> пч<елы>“»». Подписаны эти «Отрывки» инициалами: А. Я. Статья начиналась следующим обращением к издателю: «Вы хотели иметь что-нибудь из моих Записок в вашем журнале. Согласен удовлетворить сему желанию, уверен будучи, что досуг солдата на биваках не поднимет журнальной войны и не введет меня в бесполезный труд тратить время на антикритики. На сем только условии берусь познакомить вас с племенами Кавказа и образом их войны. Приступаю».

«Отрывки» распадаются на две части: в первой автор сообщает о быте и характере некоторых племен Северного Кавказа, другая озаглавлена: «Из замечаний о войне горцев северной покатоости Кавказа», с подзаголовком: «Поход днем и ночью харцизей». Последнее слово разъяснено автором как «хищник на черкесском языке». Автор «Записок» не дает подробного описания быта населения, его внимание привлекала лишь одна сторона жизни горцев — воинская, поэтому и характеристики его очень общи и касаются главным образом отношения горцев к войне, свободе, славе, взаимоотношениям с неприятелем. Вот пример его определений народного характера: «народ свободный, храбрый, трудолюбивый, отличные стрелки из ружей». «Самая природа, своими красотою и ужасами возвышает дух сих горцев; внушает любовь к славе, презрение к жизни и порождает благороднейшие страсти, теперь омрачаемые невежеством магометанства и кровавыми обычаями». Наиболее подробно говорит он о племени, называемом им абазехами; он превозно-

А. И. ЯКУБОВИЧ

Рисунок декабриста Н. П. Репина (?)

Музей революции, Ленинград

сит их за свободолюбие, жажду подвигов, отвагу, но сурово порицает коварство в сношениях с неприятелем. «Абазех свободен, не терпит другой власти, кроме обычаев и страстей; беден, но храбр. Нищета, оружие, любовь к буйной свободе и известности — вот наследие отца, к сыну преходящее, вот начало его независимости!». «Мир с сим народом, — утверждает автор, — так же неверен, как и их частная дружба; корыстолюбие и измена главные их пороки». Он находит, что во многих отношениях они напоминают старинных рыцарей: «Сии тевтоны 19 столетия презирают своих соседей, и равно бич другу и недругу». Характеристику этого племени он завершает излюбленным романтическим образом контраста между благословенной природой и мрачными и беспокойными страстями человека: «В климате приятнейшем, среди величественной природы, где с небольшими усилиями человек мог бы найти изобилие и покой, сие племя храбрых злодеев, как дикие звери, кроется от самых лучей солнца».

Во второй части запечатлены военные столкновения, участником которых бывал сам автор. «Не раз обманутый слетом коршуна или горного орла, — рассказывает он, — брал я ненужные предосторожности; а иногда, утомясь непрерывною бдительностью многих месяцев, и не обращая внимания на столь ничтожное явление, распустив поводья, дав свободу коню, ехал покойно с поникнутой головой, как вдруг топот конский, пальба и вражеские крики: *ги марджа!* <«восклицание при нападении» — примечание автора> пробуждали меня».

Приведем один отрывок, по которому можно составить более отчетливое представление и о содержании данных «Записок» и об их стиле. В этом отрывке автор описывает одно из столкновений с горцами и методы,

применяемые ими в борьбе с врагами; особенно подробно останавливается он на характере вождей горцев — «белатов»: на их умение руководить боем, наблюдать природу, ориентироваться во всякой обстановке. «Расторопность и сметливость белата, — пишет он, — невероятны: в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками, партия редко удаляется от направления. Белат, заметив ветер и весь будучи предан своему намерению, чувствует малейшее его изменение, часто проверяя себя компасом. В звездную же ночь Полярная звезда, Большая и Малая Медведица — их вожатые; созвездие Лиры указывает им часы; в случае же, когда компас разобьется или потеряется и сухая погода мало увлажит росой землю, тогда первая кочка служит компасом: приложив руку, согретую за пазухой, к четырем сторонам возвышения, влажнейшею определяют север, и направление берется с необыкновенною верностью. Одни только туманы иногда рассеивают партии: тут ясак <то есть «искры, огнем добытые» — примечание автора> служит сигналом: были случаи, что засада нашей передовой стражи, умерив осторожность, в мрачную осеннюю ночь, проникнутая влагой туманов, в тиши, прерываемой только отдаленным гулом быстрого потока, видит блеск на холме, в равнине; сотни искр сыплются на большом пространстве и в разных направлениях. Караульные толкнули друг друга, шопотом из уст в уста перешло: это хищники! Защелкали курки у ружей; новая жизнь; все превратилось в слух и зрение, и вот выстрел, другой, десятки с обеих сторон; тут с криками скачут хищники к месту тревоги; новая пальба; на постах маяки зажжены; как звезда за тонким облаком, виднеет огонь сквозь густоту паров; грянула вестовая пушка; эхо повторило весть гибели злодеям, и хищники, боясь быть окруженными, с клятвами и угрозами, протяжно перекликаясь, скачут обратно в горы».

Эти заметки сразу же обратили на себя внимание читателей. Одним из первых откликнулся на них Пушкин: «Кстати: кто писал о горцах в Пчеле? — спрашивал он в письме к Александру Бестужеву. — Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображенья?...»⁹. Этот вопрос и эту догадку повторяли вслед за Пушкиным многие исследователи, но никто не решился ни отвергнуть предположение Пушкина, ни безоговорочно признать его. Комментируя данное письмо, Б. Л. Модзалевский утверждал, что статья в «Северной пчеле» могла бы быть приписана Якубовичу «с большой долей вероятности», но его смущало то, что о литературных опытах Якубовича «ничего не известно»¹⁰. Это же суждение, с еще большей осторожностью и большими оговорками, повторил Г. В. Прохоров. «Утверждать категорически, что статья в „Северной пчеле“ о горцах написана Якубовичем, нельзя, но об этом можно говорить как о факте, весьма вероятном», — писал он¹¹.

Редактор второго тома «Восстания декабристов», А. А. Покровский, анализируя показания Якубовича, пришел к заключению, что Якубович «принадлежал к числу тех людей, которые лучше умеют говорить, чем писать»¹².

Таким образом, вопрос Пушкина и поныне остается без ответа. За сто тридцать лет историко-литературная наука ни на шаг не продвинулась в решении вопроса и не пошла дальше робкой и осторожной гипотезы. Попрежнему единственным аргументом служат лишь общий характер статьи да инициалы, которыми она подписана. Однако оснований для более уверенного и определенного суждения об имени автора этих отрывков немало. Прежде всего попробуем суммировать все, что для определения автора можно извлечь из самой статьи. Устанавливается, во-первых, что автор данных отрывков — человек, непосредственно знакомый с бытом народов Северного Кавказа; во-вторых, что он жил на Кавказе в начале двадцатых годов или немного ранее; в-третьих, что на Кавказе он нахо-

дился не в качестве путешественника-туриста или гражданского чиновника, а как человек военный, неоднократно принимавший участие в столкновениях с горцами; в-четвертых, что автор их вел походные записки; в-пятых, что он в момент публикации своей статьи находился уже в Петербурге и встречался с издателями «Пчелы», и, наконец, в-шестых, что его имя и фамилия обозначались инициалами *А. Я.*

Все эти данные вполне соответствуют биографическим данным о Якубовиче. Он был на Кавказе с 1818 по 1823 г.; известно, что он хорошо знал Кавказ и любил о нем рассказывать; многократно повторяемые им рассказы воспринимались слушателями как отделанные литературные произведения; находился он в отряде генерала В. Г. Мадатова, а позднее участвовал в военных действиях в Кабарде, Карачае и Адыгее. В частности,

«КИБИТКА ХУНЛАР-АГИ В КАРАБАГЕ»
Акварель А. И. Якубовича, 1818—1823 гг.
Исторический музей, Москва

Якубович принимал участие в покорении Казикумухского ханства. В Петербурге Якубович жил в 1824—1825 гг. и был лично знаком с Булгаринным и Гречем. Нужно подчеркнуть, что среди лиц, писавших о Кавказе, нет никого, к кому можно было бы отнести инициалы *А. Я.*, и они вполне закономерно расшифровываются как *Александр Якубович*. Наконец, и общий тон и колорит этих очерков, их «романтический дух» вполне соответствуют облику Якубовича, что и отметил такой чуткий и внимательный читатель, как Пушкин. Следует добавить, что друзья Якубовича, в том числе Денис Давыдов, усиленно уговаривали его записать и напечатать свои рассказы о горцах и о своих воинских подвигах. «Куда бы хорошо сделали, если бы в свободные часы взяли на себя труд описать ваши наезды и поиски! Любопытно видеть разницу партизанской войны в вашей стороне с партизанскою европейскою войною: La dernière n'est qu'une plante exotique, sa véritable patrie est le Caucase»*, — писал Якубовичу Д. В. Давыдов 14 марта 1824 г.¹³

* Последняя только экзотическое растение, ее истинная родина — Кавказ (франц.).

«ВОДОНОС ИМЕРЕТИН В ТИФЛИСЕ»

Акварель А. И. Якубовича, 1818—1823 гг.

Исторический музей, Москва

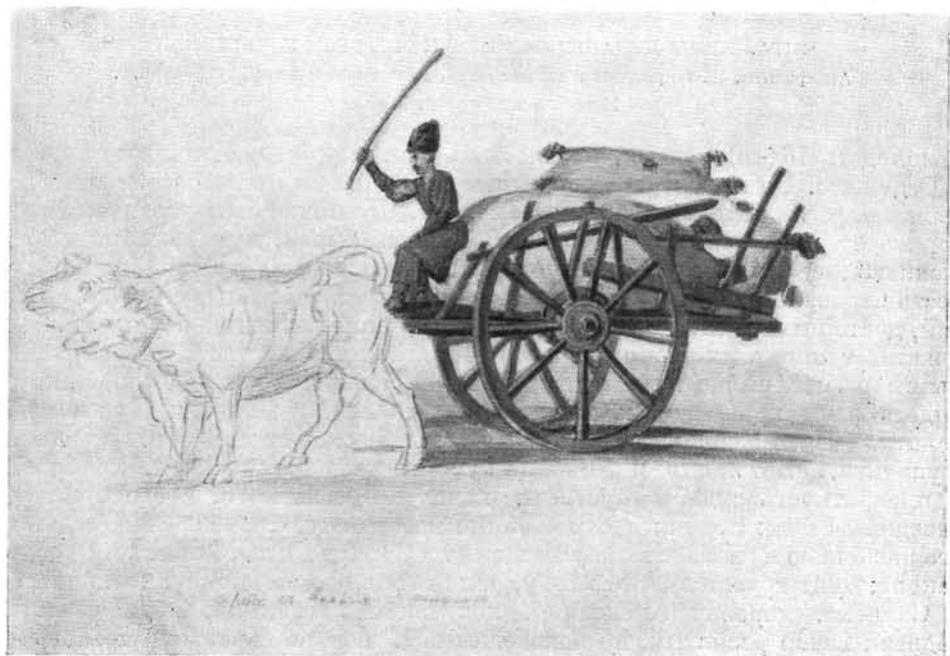
Некоторые же из знакомых Якубовича были убеждены в существовании его «Записок»; быть может, слышал об этом и Пушкин.

Все эти соображения образуют в совокупности достаточно серьезное основание для признания именно Якубовича автором «Отрывков». Но все же они являются лишь косвенными доказательствами и не могут считаться окончательными. Есть возможность присоединить к этим доводам еще одно свидетельство, которое позволяет совершенно безоговорочно приписать данную статью Якубовичу. Это сохранившийся набросок письма Якубовича к А. А. Бестужеву-Марлинскому.

А. А. Бестужев и Якубович познакомились в 1823 г. Знакомство их очень быстро перешло в близкую дружбу; дружеские отношения сложились у Якубовича и с братьями Александра Бестужева — Николаем и Михаилом. В мае 1825 г. Александр Бестужев писал Рылееву: «Главная моя утеха — Якубович. Ты его полюбишь, его напрасно много бранят»¹⁴. Однако 14 декабря стало резкой гранью в отношениях братьев Бестужевых к Якубовичу. Александр даже перед судьями не мог скрыть своего раздражения против Якубовича и разочарования в нем и характеризовал его как «хвастуна»¹⁵. Негодование Михаила нашло яркое отражение в его «Записках», — даже через 45 лет, вспоминая день 14 декабря, Михаил Бестужев не мог хладнокровно говорить о Якубовиче. Его поступки он называл «унизительными» и его «измену» считал одной из главнейших причин неудачи восстания¹⁶.

Однако пребывание Александра на Кавказе явилось поводом для нового сближения Бестужевых с Якубовичем; в переписке братьев имя Якубовича начало появляться очень часто, особенно в письмах, где речь шла о Кавказе. В одном из писем 1836 г. Николай Бестужев писал Александру: «Якубович благодарит тебя за поклон и приписку; велит сказать, что ему снится и видится Кавказ, и ежели он еще живой выйдет на посе-

ление, то хочет туда проситься. Быть может, ты будешь его командиром»¹⁷. Якубович посылал через Александра поклоны на Кавказ своим прежним друзьям. В 1835 г. Александр Бестужев писал о сохранившейся на Кавказе памяти о Якубовиче: «Линейцы — молодцы: все очень помнят Александра Ивановича; черкесы — тоже. Но все те, которым он кланялся, кроме Атажука, или умерли, или убиты»¹⁸. Кавказские повести Марлинского Якубович встретил с восторгом. Он не только с энтузиазмом читал их, но и комментировал, поясняя аудитории Петровского завода те или другие особенности «местного колорита», которым изобиловали писания Марлинского. В особенное восхищение привела Якубовича повесть «Мулла-Нур», восторженно принятая, впрочем, и всеми обитателями Петровской тюрьмы. Свое мнение об этой повести Якубович решил изложить в особом письме к автору. Но так как сам он не имел права писать письма, то, очевидно по совету Николая Бестужева, он составил текст для включения его в письмо Н. и М. Бестужевых, вернее, в письмо, писанное от их имени М. К. Юшневскою¹⁹. Этот текст, в котором Якубович говорит о себе в третьем лице, Николай Бестужев и использовал в своем письме, но далеко не полностью; он взял из него лишь чисто фактическую часть, отбросив общие рассуждения и оценки. Осталось за бортом и то, что составляет особую прелесть этого письма: его лиризм, его романтическое восприятие истории Кавказа и его взволнованный патристический пафос. Но, к счастью, сохранился и подлинный текст письма Якубовича, хотя, повидимому, тоже не полностью. Сохранился он в виде трех листов, писанных рукою Якубовича, из которых два находятся в рукописном отделе ГПБ в составе бумаг Н. К. Шильдера²⁰, а третий — в ИРЛИ в числе документов «Архива Бестужевых»²¹. Эта разрозненность, надо полагать, и послужила причиной невнимания к этому памятнику со стороны многих исследователей декабристского

«АРБА С ВИНОМ—ТИФЛИС»

Акварель А. И. Якубовича, 1818—1823 гг.

Исторический музей, Москва

движения, неоднократно пользовавшихся в своих разысканиях материалами этих собраний. На одном из листов, находящихся среди бумаг Н. К. Шильдера, сбоку рукою М. А. Вестужева написано: «Письмо Якубовича к брату Алек<сандру>». Приводим этот текст полностью:

Читая «Мулла-Нур», Якубович изъяснял нам некоторые места, где ты не хотел сделать пояснений, как-то: обрубленный хвост лошади, слово туксуб <?> в персидском смысле, пляску на байраме <?>, гулянье в садах и летнее положение закавказских дам. Самуг и Тенга он находит, что описаны с верностью очевидца. В экспедицию против Сурхаб-хана Казикумыхского он несколько раз был в тех местах, командуя музульманской конницей. Знаменитый брат Аслан-хана Курахского прежде штурма Хойерлека был убит возле него; два брата, владельцы Табарасанские, в особенности Юсуф, были его даеты, — и ты подарил ему счастье

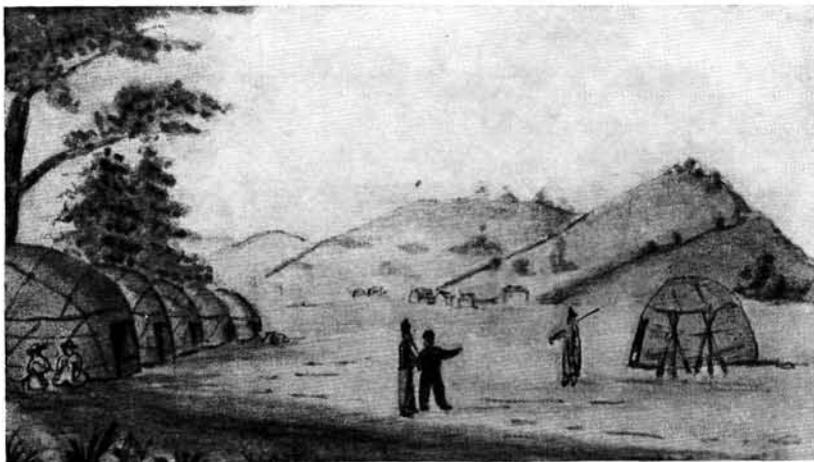
ЧИТА. ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ ПЕРЕД ОСТРОГОМ У ЧАСТОКОЛА

Аquareль А. И. Якубовича в письме А. И. Давыдовой к детям, 1829—1830 гг.

Исторический музей, Москва

отмолодеть 16<-ю> годами, перенестись в жизнь боевую, полную надежд и будущего. Он просит тебя обратить внимание на нравы *Адыге* и воспоминания [его времени] в большой Кабарде. Что может быть поэтичнее (!) черкес от дня рождения до смерти? Аталык-Абрек, кунак, ханлык <?>, женитьба с тайной лакедемонцев, самая смерть и их тризны имеют прелесть баснословных времен. Он тоже указывает тебе на несколько событий, достойных золотого твоего пера: поражение лезгин на берегу *Йоры* и участие тушин с их беспримерной отвагой и нравами чисто патриархальными; в Алла-Верды, монастыре против Телавы, можно <было> иногда видеть этих храбрецов и красавиц их женщин. Подвиги Нурмамеда-белата, смерть генерал-лейтенанта Гулякова, отважность неподражаемая Дуванова, жестокость и кончина Гуссейн-хана Шекинского, храбрость и превратность судьбы Мустафы, хана Ширеванского, с его орлиным гнездом фетаги; пороки и самовластие последнего Карабах-хана с дикой его роскошью и злодейскими умыслами на Сафара Гюль-Магмета и Рустамбекова; бунт грузин в <18>12 году, смерть майора Подлока с товарищами в Сиглахе, царевич Александр, кочующий изгнанник, непреклонный бедный, вечно разбитый, но непобедимый²². Теперь перейдем на Север — осада и геройская защита *Наура* во время лже-пророка! Обычаи и удаль линейных казаков, братоубийство князя Рослам-бека Мисостова; адъютант Потемкина, человек образованный, — злодей, убийца; ступив на родную землю: грызение совести и раздел крови между убийцами, — вот

канва для целого романа. Неукротимый Тау-Султан и Ханука. Смерть первого от руки его брата Магомета Атажука, красота жены Атажукиной, которая шла когда-то Якубовичу черевички; истребление алтиничников, смерть последнего *Шеремета*, соименного и ведущего род от предков Шереметевых. Сколько крови было пролито со времени великого Петра²³ нашими храбрыми, сколько трудов было понесено бесстрашными: Хевсуретск(ие) горы — Лезгиностан — Дагестан, Чечень — Кисти — Кицержан — Эльборус, верховье обеих Зеленчуков — Урупа Лабы — Белой сотни раз оглашались победными кликами русских, — и кто передал их подвиги? Кто поднял труд дела и имена их передать соотчикам! Горцы о черепа их тупили шашки, свинцом дарили смерть или догробные страдания — и никто, никто не помянул отдавших все в скарб отечественной славы. Ты — изгнанник, судьба, может быть, предназнач(а)ет (тебе)

ПЕРЕХОД ДЕКАБРИСТОВ ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД. ДНЕВКА

Анварель А. И. Якубовича в письме А. И. Давыдовой к детям, август—сентябрь 1830 г.

Исторический музей, Москва

воскресить умершие имена, двинуть на состязание будущих героев Кавказа. Тебя переводят на всемирный язык. Познакомь же все народы Европы с частицей родной нашей славы, покажи и докажи, что нам много лет еще ждать дряхлости и *⟨нрзб.⟩*, что мы так богаты делом. Соедини, познакомь рыцарство Кавка(за) с 19 веком и просто *⟨нрзб.⟩* его жизнью.

На этом письмо Якубовича обрывается.

Публикуемое письмо окончательно решает вопрос об имени автора статьи в «Северной пчеле»; оно является тем звеном, которое соединяет отдельные разрозненные факты в одну сплошную цепь доказательств. Оставляем в стороне даже вопрос о близости стиля, так как в данном случае может иметь место единая литературная традиция и доводы такого рода легко оспорить, — важнее другое: близость, доходящая порою до полного совпадения в трактовке темы. В отношении к народам Кавказа, в понимании и трактовке народного характера письмо и очерк едины: они совпадают и в общей направленности интересов, и в определении сущности характера горцев, и в восторженной оценке их воинских подвигов. Как и в очерке, автора письма интересуют лишь формы воинского быта народов Кавказа, и только в этом плане он подбирает темы и сюжеты для художественного изображения и разработки; вопросы же гражданского быта и мирной жизни населения и в очерке и в письме

совершенно не затронуты. И в этом отношении сам Марлинский с его широким интересом к разным сторонам народной жизни значительно превосходил своего советчика. В письме Якубович советует особое внимание обратить на народ адыге, — в очерке «Северной пчелы» идет речь об абадзехах — одним из племен адыгейской народности.

Сходство проявляется и в методе показа народного характера: автор, наряду с такими чертами характера, которые ему представляются возвышенными и благородными, показывает и черты прямо противоположные: коварство, предательство и т. п., — в письме таким же образом противопоставлены героические и бытовые страницы истории Кавказа, например защиты Наура и коварное братоубийство Рослам-бека. В письме и очерке мы наблюдаем не только единое понимание, но и *одинаковую формулировку*. В обоих произведениях некоторые горские племена сравниваются со старинным рыцарством: в очерке горцы названы «тевтонами XIX столетия» (то есть меченосцами), в письме говорится о «рыцарстве Кавказа». Такое единство интересов, сходство в трактовке темы и единство формулировки позволяет, при наличии дополнительных соображений, изложенных выше, сделать вывод о единстве происхождения этих двух литературных памятников. Письмо Марлинскому и отрывки из «Походных записок» принадлежат, несомненно, одному и тому же автору.

Письмо Якубовича имеет еще частный, но очень существенный историко-литературный интерес, так как служит ценнейшим комментарием к поэме Лермонтова «Измаил-бей». Рекомендую своему другу в качестве сюжета для «целого романа» историю братоубийства Рослам-бека, Якубович, конечно, не мог еще знать, что на эту тему уже создана поэма. Написанная в 1832 г. поэма Лермонтова в печати появилась лишь в 1843 г., и, несомненно, Якубович впоследствии познакомился с ней. Нельзя не пожалеть, что не сохранилось никаких известий о том, как была воспринята эта поэма старым декабристом — героем кавказских войн. Письмо же его проливает свет на один из важнейших эпизодов поэмы. Вопрос о прототипах поэмы Лермонтова выяснен сравнительно недавно, когда исследованиями Л. П. Семенова и С. А. Кривича²⁴ была установлена историческая подлинность ее основных персонажей. Это были двоюродные братья (у Лермонтова — родные) Измаил-бей Атажуков и Рослам-бек Мисостов, оба полковники русской службы. Измаил-бей служил в войсках Потемкина и Суворова, принимал участие во взятии Очакова и Измаила, был ранен и представлен самим Суворовым к награде за выдающуюся храбрость. Рослам-бек был одно время адъютантом Потемкина (о чем упоминает и Якубович), позже он перешел на сторону горцев и сделался их проводителем в борьбе с русскими.

С. А. Кривич установил историческую правдивость поэмы Лермонтова, но комментатору остался неясным эпизод смерти Измаила. В тех источниках, которыми располагал автор, упоминалось лишь о смерти Измаила в бою. «У Лермонтова же он погибает от пули коварного Рослам-бека — завистника-брата. Не знал ли Лермонтов, — пишет С. А. Кривич, — о каких-то таинственных обстоятельствах смерти Измаила». «Лермонтов был окружен людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Измаил-бея, что они, эти люди, могли сообщить такие факты, которые не получили широкой огласки»²⁵.

Письмо Якубовича позволяет более точно установить обстоятельства смерти Измаила. Измаил-бей погиб в 1811 г., Якубович прибыл на Кавказ в 1818 г., то есть тогда, когда об Измаиле и Рослам-беке могли рассказывать лица, непосредственно знавшие и того и другого и прекрасно осведомленные о фактах их биографии. Якубович называет Рослам-бека совершенно определенно — братоубийцей. Таким образом, лермонтовская версия на-

ходит вполне точное подтверждение в словах такого надежного свидетеля, каким является в данном случае Якубович. Якубович был знаком с родичами Измаила; жена одного из них — Магомета Атажука — шила ему черевички; не ему ли посылал он поклон через Марлинского?

Интерес данного письма для науки не ограничивается, однако, его биографическим или историко-литературным значением; оно является ценным документом, свидетельствующим о декабристской трактовке кавказской проблемы вообще.

Декабристы понимали историческую необходимость войны на Кавказе, но они видели и обратную сторону медали,—то, что война служила целям колониальной политики царизма.

Еще в 1820 г. М. Ф. Орлов, раздумывая о действиях Ермолова на Кавказе и осуждая общую систему его мероприятий по отношению к национально-освободительному движению горцев, писал: «Так же трудно поработить чеченцев и другие народы того края, как сгладить Кавказ. Это дело исполняется не штыками, но временем и просвещением, которого и у нас неизбыточно...»²⁶. Таким образом, признание необходимости кавказских войн сочеталось у декабристов с резко отрицательным отношением к жестоким методам усмирения и к царившему на Кавказе произволу и насилию со стороны царской военной и гражданской администрации, естественно вызывавшими решительный отпор со стороны горцев. Эта декабристская точка зрения нашла воплощение в кавказских повестях и рассказах Марлинского и она же лежит в основе письма Якубовича.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Новая интерпретация поведения Якубовича на площади в день 14 декабря дана М. В. Нечкиной в ее исследовании («Восстание 14 декабря 1825 г.» М., 1951, стр. 87—91). Интерпретация эта такова: Якубович подходил к Николаю I и разговаривал с ним не по собственной инициативе, а выполняя «поручения от бывшего штаба восстания, на некоторое время еще сохранившего на площади слабый оттенок прежней руководящей роли», причем он был послан «не в качестве парламентаря, а именно как разведчик» (там же, стр. 89). М. В. Нечкина ссылается на показания Кюхельбекера и Щепина-Ростовского; но если бы такое поручение действительно было, о нем знали бы и другие декабристы, имевшие большую причастность к руководству восстанием, например братья Бестужевы. Однако никто из них не знал об этом «поручении штаба» ни в день восстания, ни позже, когда обсуждались все подробности неудавшегося восстания (см. Б е с т у ж е в ы, стр. 73—74).

² Об этом см., например, письмо Ф. Ф. Вадковского к И. И. Пущину от 10 марта 1840 г. («Записки Отдела рукописей Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина», вып. 3. М., 1939, стр. 29).

³ На необходимость такого пересмотра указывал Н. К. Пиксанов в предисловии к опубликованным им материалам из архива В. Л. Давыдова («Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 183).

⁴ Напечатано впервые в сб.: «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 75—81.

⁵ «Русская старина», 1888, № 11, стр. 331.

⁶ «Московский телеграф», 1825, № 10, стр. 130—131.

⁷ «Записки Н. Н. Муравьева-Карского». — «Русский архив», 1888, № 1, стр. 79.

⁸ Замечательное во многих отношениях письмо Якубовича к отцу распространилось в многочисленных списках наравне с предсмертными письмами казненных декабристов. Н. М. Языков писал брату Александру: «Сделай милость, пришли мне, если можешь достать, писем казненных и в Сибирь отправленных несчастных: это любопытно и в политическом, и в психологическом отношении; я имею только два из них: Рылеева — к жене и Якубовича — к отцу» («Языковский архив», вып. I. Под ред. Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 266). Отметим не учтенную в «Библиографии декабристов» Н. М. Ченцова перепечатку этого письма в «Курском сборнике» (вып. VI, 1904).

⁹ Письмо к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г. — П у ш к и н, т. XIII, стр. 244.

¹⁰ П у ш к и н. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I. М.—Л., 1926,

стр. 529. Там же обширная сводка основных библиографических материалов о Якубовиче (стр. 527—529).

¹¹ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 6. М., 1941, стр. 261.

¹² ВД, т. II, стр. 403.

¹³ «Русская старина», 1888, № 11, стр. 332.

Ср. отзыв о Якубовиче на Кавказе в кн.: В. Потто. История 44 драгунского Нижегородского полка, т. II. СПб., 1893, стр. 165—167.

¹⁴ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 6, стр. 259.

¹⁵ ВД, т. I, стр. 434—436.

¹⁶ Б е с т у ж е в ы, стр. 106—107.

¹⁷ «Бунт декабристов», стр. 365.

¹⁸ «Русский вестник», 1870, № 7, стр. 61.

¹⁹ «Бунт декабристов», стр. 368. — Письмо Н. А. Бестужева, в котором использован текст Якубовича, датировано 5 февраля 1837 г. Началом февраля этого года следует, очевидно, датировать и письмо Якубовича.

²⁰ ГПБ. Архив Н. К. Шильдера, карт. 32, ед. хр. 33, лл. 248—249.

²¹ Архив Бестужевых, ед. хр. 6, л. 208—208 об.

²² Якубович говорит в данном случае о сыне царя Ираклия II, царевиче Александре Ираклиевиче (1768—1844), ведшем в течение ряда лет упорную и непримиримую борьбу с русскими. Явно не понимая истинных корней политической деятельности царевича Александра, Якубович изображает его в идеализированно-романтических тонах; в действительности же царевич Александр был тесно связан с персидским правительством и являлся фактически его агентом, поддерживая притязания последнего на Грузию и Закавказье. См. сводку исторических материалов о деятельности царевича Александра и его борьбе с русскими в книге: Вано Ш а д у р и. Друг Пушкина — А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 170—185. — «Бунт грузин в 1812 году», о котором упоминает Якубович, был также организован царевичем Александром (там же, стр. 182).

²³ Здесь кончается текст ГПБ; далее от слов «нашими храбрыми» и до конца следует текст архива Бестужевых.

²⁴ Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Орджоникидзе, 1939, стр. 36—38; С. А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949, стр. 9—84. — Л. П. Семенов определил впервые прототип Рослам-бека; относительно же Измаил-бея он писал: «Прототип самого Измаила нами пока не установлен, но в его облике и судьбе есть характерные для этой эпохи черты» (стр. 38). Прототип Измаила определил С. А. Кривич (указ. соч., стр. 20—35).

²⁵ С. А. Кривич. Указ. соч., стр. 44.

²⁶ Письмо М. Ф. Орлова к А. Н. Раевскому от 13 октября 1820 г. — М. О. Гершензон. История молодой России. М.—Пг., 1923, стр. 28—29.

От редакции. Когда настоящая статья была уже набрана, в редакцию поступило указание М. О. Косвена о том, что в архиве историка П. Г. Буткова (1775—1857) имеется небольшое извлечение из статьи «Северной пчелы». Бутков озаглавил это извлечение следующим образом: «Из № „Северной пчелы“ 1825 г., ноября 17, статья: Отрывки о Кавказе, соч. А. Я. (NB Якубовича)» (ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 482, д. 192, лл. 138—139).

Публикуемые в этой статье акварели А. И. Якубовича предоставлены редакции М. Ю. Барановской. Они хранятся в Государственном Историческом музее в Москве. Кавказские акварели относятся к 1818—1823 гг. и входят в собрание, принадлежавшее Н. Н. Муравьеву-Карскому. Сибирские — были исполнены Якубовичем в 1829—1830 гг. для писем А. И. Давыдовой к ее детям. Находятся в альбомах Давыдовых.